

А. П. Назаретян¹

ГЛОБАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА И «АГЕНТУРА ВЛИЯНИЯ»

Обострение украинского кризиса последних полутора лет с особой наглядностью обнаружило не толь-

¹ Главный научный сотрудник, руководитель Центра мегаистории и системного прогнозирования Института востоковедения РАН, профессор Международного университета «Дубна», доктор философских наук, кандидат психологических наук. Главный редактор журнала «Историческая психология и социология истории». Автор около 350 научных публикаций, вышедших в СССР, России, США, Японии, Китае, Западной Европе и Латинской Америке, в т. ч.: «Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы», «Агрессивная толпа, массовая паника, слухи», «Психология стихийного массового поведения» (2001, 2005), «Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории» (2001, 2004), «Антропология насилия и культура самоорганизации» (2007, 2008, 2012, 2015), “Evolution of non-violence: Studies in Big History, self-organization and historical psychology”, «Нелинейное будущее» (2013, 2014, 2015) и др. Член Всемирной исторической ассоциации.

ко патологии в глобальной геополитической системе, но также слабости концептуального и информационного обеспечения российской внешней политики. В личных беседах политологи и общественные деятели разных стран говорят, что именно неуклюжее информационное сопровождение мешает им публично поддержать антифашистскую борьбу украинцев и сочувствующих им российских властей. Собеседники приводят безответственные заявления публицистов, выдержанные в агрессивно-патриотическом или религиозном духе, тиражируемые в западных СМИ и социальных сетях и представляемые как образцы «русской идеологии».

Психологическая беспомощность, незнание известных технологий конверсивного воздействия на деле

только подкрепляют в сознании обывателя желательный для оппонентов образ большой экспансивной России, терзающей маленькую Украину, и аналогии с действиями немецких нацистов, обращенные не на их прямых наследников — бандеровцев и дивизию СС «Галичина», — а на российскую власть. Официальные посылы руководства (типа «защиты русского мира») более или менее привлекательны для внутреннего потребителя, но не способны заинтересовать бескорыстных лидеров мнения и исключают эффективную «агентуру влияния» за рубежом.

Между тем без такой агентуры внешнеполитическая деятельность в современном мире бесперспективна, а формирование агентов влияния чаще всего не требует крупных финансовых затрат — важнее яркая, привлекательная идея. Более того: опыт международных контактов позволяет утверждать, что миллионы людей в странах Америки, Азии, Ближнего Востока и Европы, замечающие обвальные процессы в мировом сообществе, ждут именно от России внятной *космополитической* программы, способной вдохновить на совместные действия для достижения глобальных целей.

Далее тезисно представлены соображения, которые, по мнению автора, могли бы служить контуром такой программы, сделав российскую политику притягательной для формального и неформального партнерства.

Геополитические процессы сложились в глобальную систему с синхронизированными зависимостями в XX веке, пережив напряжения двух мировых войн и сразу вступив в преддверие третьей. На фронтах холодной войны погибли в сумме до 25 млн человек, но фронты были рассредоточены в пространстве и времени, находились далеко от Европы и Северной Америки, а главное — в сравнении с ожидавшимися миллиардами жертв их реальное число показалось чуть ли не «малой кровью».

Действительно, в начале 1960-х годов напряжение достигло такого накала, что возник вопрос о физическом выживании человечества. Смертельную угрозу представлял не только прямой ядерный конфликт между сверхдержавами: последующие расчеты показали, что, если бы активность цивилизации оставалась такой же «экологически грязной», какой она была в 1950-х годах, то в 1990-х жизнь на Земле стала бы невыносимой.

К концу 1970-х годов мир обрел относительную устойчивость. Остались позади несколько чудом преодоленных обострений, вопреки бесчисленным разногласиям был заключен Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, который со временем признали и не подписавшие его ядерные державы — Франция и Китай. Благодаря жесткой позиции советского правительства американская армия отказалась от замыслов использовать тактическое ядерное оружие (согласно на это дипломаты пытались «продать» несколькими годами ранее). Человечество культурно и психологически «притерлось» к новейшим технологиям, которые сделались теперь гарантом взаимного сдерживания. С одной стороны, поблекли грезы о «мировой

пролетарской революции». С другой стороны, страх перед международным революционным движением заставлял поддерживать самые одиозные режимы как заслон против «левых». Спецслужбы противостоящих блоков, комфортно усевшись на хлебных должностях, пестовали сторонников за рубежом — от «агентов влияния» до кровавых диктаторов и боевых террористических организаций — и занимались взаимным «разваливанием», не рассчитывая на стратегический успех и даже не сильно стремясь к нему. В охотку устраивались обоюдные «подлянки» для ежегодных отчетов, но творцы холодной войны понимали, что она служит стабильным источником их социального и финансового благополучия.

В декабре 1979 года советское правительство, поддавшись на уловки противника, позволило заманить наши войска в Афганистан. Мстительная мечта американцев о «советском Вьетнаме» обрела плоть и кровь, но никто еще не предполагал, что это станет «началом конца» одного из противостоящих военных блоков. Не задумывались и о перспективе террористических движений, формирование которых приобрело теперь особую интенсивность...

В конце 1980-х годов по обе стороны океана распространилось ожидание приближающегося бесплодного (или многополярного) мира и даже грядущего «конца истории». Согласно одноименной статье-бестселлеру Ф. Фукуямы главной проблемой нового бесконфликтного мира станет... скука. Но в такой конфигурации будущего и силовые структуры, и спецслужбы теряют почву — и новый бестселлер не заставил себя ждать. Другой американский идеолог С. Хантингтон предрекал, что религиозный ренессанс разделит планету на семь или восемь региональных цивилизаций, конфликт между которыми составит новое содержание политических процессов — и это будет пострашнее уходящего коммунизма.

Реальность по прошествии четверти века кажется соответствующей хантингтоновой модели, но только на первый взгляд. Так называемое столкновение цивилизаций на поверку чаще всего представляет собой конфликт сосуществующих во времени исторических эпох, вызванный системным геополитическим кризисом. Вопреки благодушным ожиданиям ментальная матрица массового политического сознания осталась двухполюсной, и опустошение одного из полюсов спровоцировало эффект, хорошо знакомый специалистам по экологии и теории систем.

Опустошение экологической ниши чревато либо деградацией биоценоза, либо тем, что ниша заполняется неспецифическим видом — и это также чревато дисфункцией. Хрестоматийными примерами могут служить результаты кампаний 1950-х годов по уничтожению воробьев в Китае (посчитали, что так будет сохранен значительный объем зерновых) и по отстрелу волков в России.

В первом случае обнаружилось, что птичий рацион составляет не столько зерно, сколько насекомые и их личинки, а оставшись без естественного врага и безмерно расплодившись, эти вредители обрушили экологию агроценоза. Во втором случае место волков заняли

одичавшие псы, справиться с которыми оказалось гораздо труднее: собаки были не столь «простодушны», не боялись огня, веревок, флажков и прочих ловушек и, в отличие от волков, активно ненавидели людей. Чтобы устранить это бедствие, пришлось восстанавливать популяцию волков, которые быстро вытесняли конкурентов из своей «законной» ниши.

Тот же системный эффект проявился и в глобальной геополитике конца XX — начала XXI века. Опустевший полюс стал заполняться террористическими группировками, которые в предыдущие десятилетия взращивались спецслужбами противостоящих блоков и, больше не нужные прежним хозяевам, быстро одичали.

Так, параллельно с небывалым уплотнением планетарных процессов сложилась угрожающая патология полюсов мировой геополитики.

На одном полюсе — американская элита, охваченная эйфорией победы в холодной войне, ощущением всемогущества, вседозволенности и тем психическим состоянием, которое голландский политолог П. Слоттердейк (изучавший настроение европейцев на пороге Первой мировой войны) обозначил как *комплекс катастрофофилии*. Наши исследования антропогенных катастроф показали, что этот массовый комплекс, воспроизводящийся в различных исторических эпохах и выражающийся иррациональной жадью «маленьких победоносных войн», служит компонентом кризисного поведения.

В последние два десятилетия отчетливо прослеживается снижение интеллектуального качества американской политической элиты. Если в 1960–1980-х годах осуществлялись блестящие многоходовые операции, направленные преимущественно на сохранение status quo с участием высококлассных страноведов и психологов, то в 1990-х на смену гроссмейстерам пришли игроки пятого разряда, самоутверждающиеся ценой сиюминутных побед и не умеющие просчитать их последствия на пару ходов вперед. С 1999 года едва ли не каждое масштабное внешнеполитическое действие оборачивается эффектом бумеранга для его инициаторов. Я писал об этом в американской печати после югославской и иракской авантюры, доказывая, что их мотивами служили не экономические или «национальные» интересы, а та же иррациональная жажда демонстративных побед, резонировавшая с настроениями достаточно широких слоев населения¹. Потом были военные «успехи» на Ближнем Востоке и в Северной Африке, превратившие политически стабильные регионы в гнезда террористов.

Так импульсивными действиями из-за океана произвольно, но последовательно усиливается противоположный полюс — средоточие сил, жаждущих уже не «маленьких победоносных войн», а тотальной войны за утверждение всемирной власти шариата. Эта пассионарная идеология в чем-то сродни коммунистической образца столетней давности, но еще Хантингтон заметил, что находить общий язык с ее адептами значительно труднее, чем с коммунистами. Комму-

низм, как и либеральная демократия, был наследником гуманистических утопий Нового времени, тогда как теперь их нишу заняли выходцы из Средневековья.

В итоге по большому счету самодовольной элите США (и частично примыкающей к ней элите Западной Европы) противостоят еще более безответственные, необученные системному мышлению и долгосрочному прогнозированию религиозные фанатики — и глобальная геополитическая система идет вразнос. Международное право, «общечеловеческие ценности», готовность к компромиссам остаются такими же ностальгическими воспоминаниями, как свободная журналистика, а на смену им приходят множественные стандарты, информационная война и безусловное обоюдное неприятие. Чего же следует ожидать, если ситуация в скором будущем радикально не изменится?

На прошлых Чтениях в 2014 году я рассказывал о независимых расчетах, проведенных учеными разных стран и специальностей и показавших, что в XXI веке так или иначе должна разрешиться интрига планетарной истории. Около середины века наступит точка *сингулярности*, за которой либо начнется деградация антропосферы, либо эволюция выйдет с планетарной на космическую стадию². В наши дни складываются решающие предпосылки для выхода на тот или иной аттрактор, и они определяются тем, будет ли один из полюсов заполнен трезвой ответственной силой, которая вытеснит из ниши средневековых фанатиков и вернет качество вмещаемости основным геополитическим конкурентам. Если этого не случится, то, вероятнее всего, цивилизацию Земли ждет необратимый коллапс.

Перспектива большой сингулярности хорошо известна ученым (в 2008 г. при НАСА образован Университет сингулярности, аналоги которого формируются и за пределами США), но их выводы пока не востребованы в политических кругах. *Те политики, которые, оторвавшись от партийных и национальных амбиций, раньше других освоят эту идею, могут получить важнейшее конкурентное преимущество.*

Внешняя политика СССР, особенно в период его расцвета, получала поддержку широких демократических кругов благодаря привлекательной интернационалистской идеологии. Его оппоненты еще в 1950–1960-х годах объясняли свои неудачи отсутствием внятной стратегической задачи — чего-то более содержательного, чем просто «борьба против коммунизма», — и правительством США учреждались «комиссии по выработке национальной цели». Такая работа проводилась успешно, и лозунги вроде «наведения мостов» или «американского образа жизни» усилили эффект агентурной работы.

Крах коммунистической идеи оставил в российском обществе духовный вакуум, который со временем стал частично заполняться патристическими и религиозными настроениями. О внутриполитической перспективе таких акцентов в полиэтничной и поликон-

¹ Nazaretyan A. P. Power and wisdom: Toward a history of social behavior // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2003. Vol. 33, № 4. P. 405–425.

² Назаретян А. П. Национальная идея в «век бифуркаций» // Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб.: СПбГУП, 2014. С. 415–417.

фессиональной стране можно спорить, но ясно, что они сужают перспективу ее утверждения в качестве ключевого субъекта международных отношений.

Вспышка украинского кризиса была спровоцирована очередной авантюрой властей США, которые, открыто поощряя вооруженный переворот с привлечением местных движений нацистского толка, едва ли сознательно намеревались устроить войну в центре Европы. Активное сопротивление «пророссийских» сил на Украине и их поддержка российским правительством стали для них такой же неприятной неожиданностью, как раскрепощение исламских фанатиков в результате «арабской весны».

В России это сопровождается патриотическим энтузиазмом большей части населения и недовольством в кругах либеральной интеллигенции. Истерические нотки из обоих лагерей затемняют глобальное содер-

жание регионального конфликта, суть которого заключается в том, насколько очевидным окажется очередной провал в авантюрной практике США и насколько прочно утвердится в результате новый независимый центр мировой политики. Я думаю, что решающий перелом был бы обусловлен смещением акцентов в российской внешней политике с «национальных интересов» на актуальную общечеловеческую тему: *восстановление устойчивости глобальной геополитической системы*. Стратегический курс на сохранение планетарной цивилизации в XXI веке и его грамотная раскрутка сделают действия российского руководства более привлекательными для демократической общественности как внутри, так и вне страны. В этом контексте приобретает новые смыслы и образование международных ассоциаций типа БРИКС и Таможенного союза...